

Бремя первых

Ироничный, умный, образованный, какой-то особенной, благородной стати — кто бы признал в Максиме Горецком крестьянского сына? Дитя кипящей эпохи, когда пассионарии искренне верили, что человек является венцом творения и что мир можно переделать на новый лад — и ведь переделывали, оскальзываясь, захлебываясь чужой и собственной кровью, добиваясь небывалых высот и совершая непоправимые, трагические ошибки... Имя Горецкого и годы спустя после его несправедливой, ранней гибели сверкают в созвездии первопроходцев белорусской культуры — светит ясным, чистым и грустным светом, ибо доля гуманиста во времена, лишённые гуманности, всегда тяжела, а путь слова неизбывно горек.

Мир и война

Максим Иванович Горецкий родился 18 февраля 1893 года на Мстиславщине в деревеньке Малая Богатыковка, сегодня уже практически обезлюдившей. Хата Горецких — темная, тесная, с маленькими оконцами, освещалась лучиной. В этом доме ютилось 12 человек — семьи братьев Ивана и Якуба. Много работали, часто болели, бедовали, притом любили музыку, книги, стремились выучить детей. Именно здесь крестьянский мальчик получил первые уроки воображения и проникся любовью к родной речи, слушая сказки, впитывая народные песни, которых так много знала его мать Ефросинья. Сам он тоже всю жизнь пел, играл на гармонике, балалайке, цимбалах и дудках — всех любимых деревенских инструментах, на которых мог запросто изобразить как обрядовые песни родной Богатыковки, так и романсы или пьесы Шуберта.

Он выучился в Горках — поступил в местное землемерно-агрономическое училище, справившись с большим конкурсом, получал стипендию и сошелся с обществом любителей молодой белорусской литературы. По окончании, в 1913-м, отправился работать землемером и чертежником в Вильню. К этому же времени относится его литературный дебют — рассказ «У лазні», напечатанный под псевдонимом Максим Белорус, за которым в скором времени последовало мно-

жество других. Первый его авторский сборник «Рунь» вышел в Вильню в 1914 году — в то время Горецкий лежал в госпитале с тяжелым ранением: шла Первая мировая, на которую он отправился добровольцем. Два месяца в виленском госпитале мало поправили дело — рана никак не заживала, и молодой писатель поехал в Москву, в Лефортовский госпиталь, где «трымалі як у турме». Вернувшись в Мстиславль, выбил направление на лечение в Могилеве, там ему спустя еще три месяца наконец-то сделали операцию — хирург без наркоза вытащил из раны осколок. И снова Москва, осмотры и комиссии, признавшие Горецкого здоровым, — и опять фронт, тяжелая болезнь, вновь беспокоящая рана, круг за кругом госпитали и, наконец, демобилизация... Все эти скитания, фронтовые и госпитальные, отразились во многих его рассказах, в повестях «Ціхая плынь» и «На імперыялістычнай вайне», в свой час считавшихся вершинами антивоенной прозы.

Горецкий был одним из тех, кто по горячим следам, по заметкам в записных книжках, собственным дневникам попытался осмыслить и зафиксировать в литературе события войны, впоследствии прозванной забытой, — куда более страшные грозы перекрыли в памяти потомков трагедию Первой мировой...

«Ці можна шкадаваць сіл, прыгажосці, маладосці для аграджэння бацькаўшчыны?»»

Служение слову

После революции он оседает в Смоленске вместе с братом Гаврилой, вскоре туда прибывает Янка Купала с молодой женой. В их маленьком творческом кружке кипит напряженная интеллектуальная жизнь. Максим и Гаврила издают «Руска-беларускі слоўнік», с подачи Максима Купала берется за перевод «Слова о полку Игореве» на «мову» (некоторое время спустя и Горецкий делает свою версию перевода), затем они с Купалой становятся слушателями факультета истории искусств Смоленского отделения Московского археологического института... Первые в своем роде, они интересовались и занимались не только собственным творчеством, но и всем, что касается родины и родной речи. Горецкий уделил много времени и сил созданию словарей, а также литературоведению: именно им написана первая история белорусской литературы, критические статьи и исследования сопровождали его всю жизнь. Еще одна волнующая его область: белорусский язык и фольклор — то, чем был он напитан с детства. Первой в сборник народных песен и мелодий он вписывает песню, которую пела ему мать:

Ты, чырвоная каліна,
Ах, і што цябе зламала?
Зламалі мяне буйныя ветры
Са лютымі морозамі...

Вернувшись сперва в Минск, а затем в Вильню, он после аннексии Польшей Виленского края становится одним из борцов за освобождение белорусского народа от панского гнета. В 1922 году его арестовывают и отправляют в виленскую тюрьму Лукишки — место, через которое прошла добрая половина белорусских писателей начала XX века. В

1923-м он принимает решение вернуться в Минск, в котором воюют строят молодую советскую республику его единомышленники. Он нужен там — один из тех, кто осмысливает классическую литературу и создает новую, кто может преподавать. Инбелкульту, этому предшественнику Академии наук, нужна его работа со словарями, фольклором — песнями, сказками, народной лексикой, его мастерство переводчика художественной литературы (а это работа, требующая особого дара). Это плодотворные, счастливые годы, несмотря на остроту послереволюционного, послевоенного времени и осознание неизбежности новой войны.

«Наўчоныя людзі падлічылі, колькі важных зямля, ці далёка ад зямлі месяц, сонца; яны ведаюць, на якіх дарогах бегаюць планеты, а няхай дадуць яны адказ, хто пусціў іх у гэткі гарманічны ход, няхай яны знойдуць першапрычыну ўсякае істоты».

О-летию
Максима Горьцкого

Найбольш яснасі маюць людзі ў саўсім
маладым ці саўсім старым веку. А людзі
веку сярэдняга не маюць на тое часу сярод
кляпату і кляму жыцця».

Портрет эпохи

В 1930-м Максим Горьцкий, как и многие другие писатели, в том числе Тишка Гартный, стал жертвой сфабрикованного ОГПУ дела о якобы существовавшей в республике контрреволюционной организации, в которой состояли выходцы из Западной Белоруссии. Его ссылают на пять лет в Вятку, вместе с почти третьою осужденных белорусских литераторов. В Вятском краю к ссыльным относились хорошо и стремились как могли помочь белорусам: Горьцкий находит и комнату, и возможность заработать привычным делом — трудом чертежника. Лишь в 1932-м жена и дети получают возможность переехать к нему в Вятку, и несмотря на все беды и постоянное недоодевание, они снова вместе. Однако положение ссыльного, необходимость каждый день отмечаться в комендатуре угнетают душу: пишется с трудом, он хватается то за одно произведение, то за другое...

Проза Горьцкого, при всей ее несомненной художественности, остроэмоциональна. Это касается всего: событий, фактов, наблюдений — ведь писатель всегда подсматривает за реальностью и фиксирует ее ничуть не менее достоверно, чем это делает фотографическая карточка. Каждый штрих у Горьцкого ложится именно туда, куда задумал автор, чтобы без прикрас очертить портрет эпохи и человека, живущего в ней, с его мытарствами и духовными поисками. Не зря, ознакомившись с рукописью «Вилenskих воспоминаний» (русскоязычной версии романа «Вилenskие коммунары», который Горьцкий писал в Вятке), литконсультант московского издательства поставил писателю в упрек именно автобиографичность, близость главного героя Матвея Мышки к самому автору. Подобный индивидуализм в те годы был не в чести — требовались масштабные полотна про вождей пролетариата. А у Горьцкого — саркастичные реплики относительно заграничных кукловодов и наблюдения за повадками некоторых местных «борцов за счастье и свободу», только и мечтающих заседать в литовской тарифе (госсовете).

«С национальными меньшинствами бывшей царской России немцы заигрывали все годы оккупации, поощряя стремления к отделению от России и сея надежды

на создание «независимых» государств под протекторатом Германии. И делали это самыми различными способами... С поляками они предпочитали вести чинные беседы, однако особенно помогать не хотели, видя в них извечных и довольно сильных врагов. Какой же смысл сажать себе чирей на шею?.. С белорусами нянчились и через свою газетенку «Гоман» («Беседа»), выходящую на белорусском языке, вбивали им в голову, что хорошо будет только в отдельном государстве — конечно же под немецкой эгидой...»

В «Камароўскай хроніке», которая так и осталась недописанной и была опубликована годы спустя после смерти автора, сквозь художественный сюжет с точно такой же документальной четкостью проступают перипетии самого Горьцкого и его близких — аресты, запяты, обвинения в контрреволюции и антисоветской деятельности.

Горьцкий всегда — свидетель эпохи, исполненный грустной иронии по отношению к жизни и самому себе, той иронии, которая отличает человека истинно духовного, никогда не опускающегося до ненависти и злобы.

По окончании ссылки писатель отправляется на Смоленщину, преподает русский язык и литературу в школе в поселке Песочня — там его и застает в 1937-м очередной арест. Одна из скорых на расправу «чрезвычайных троек» выносит приговор: расстрелять, имущество конфисковать — только что конфисковывать у бедного сельского учителя? Его реабилитируют в конце 1950-х, десятилетия спустя в Вязьме, на месте предполагаемого места захоронения писателя поставят памятный знак. В Минске, Мстиславле и Горках именем Максима Горьцкого названы улицы, в Вятке и Вильно установлены мемориальные доски, в Минске памятник — на углу дома по улице Революционной, 2, где находился Инбелкульт, которому писатель так самоотверженно служил.

Ирина ОВСЕПЬЯН. ovsepyan@sb.by

«Іншыя натуры, каб жыць
далей і адчуваць нейкі спакой,
чуюць пільную патрэбу ў яснасці
і добрай цямнасці ўва ўсім, што
ёсць навокал і таксама ў сваім
жыцці за астатні, пасля такога
ж уразумення, час».

Рисуюк
Олега КАРПОВИЧА.